

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(47).084.1/2+”1914/1918”

ПЛОДЫ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ БЕСПОМОЩНОСТИ. О КНИГЕ А.В. ГАНИНА «СЕМЬ “ПОЧЕМУ” РОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ» (М.: ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПЯТЫЙ РИМ» (ООО «БЕСТСЕЛЛЕР»)), 2018. – 864 с.: ил.).

В. П. Булдаков

РАН, Институт российской истории,
г. Москва, Россия

Среди литературы последних лет о событиях 1918–1922 гг. выделяется книга А. В. Ганина «Семь “почему” Российской Гражданской войны». Её автор полагает, что её исход в значительной степени определялся позицией офицерского корпуса старой российской армии. Рецензент находит, что такая установка искажает смысл и характер Гражданской войны. В широком смысле слова война между красными и белыми стала апогеем длительного противостояния культур элит и масс, верхов и низов российского общества. Гражданская война, как и революция, развивалась по законам социальной синергетики, а не по указаниям военного командования. Всякий иной подход несет в себе явный анахронизм, доставшийся от советской пропагандистской литературы, настаивавшей на «классовом» характере многомерной российской Гражданской войны.

Ключевые слова: *Россия, Гражданская война, офицеры, красные и белые, крестьянство.*

Советская историография Гражданской войны страдала политическим косоглазием: ее проблематика фокусировалась на **военно-политической** победе большевиков. Соответственно выстраивалась источниковая база, призванная убедить в закономерности поражения белых. С 1990-х гг. положение резко изменилось: основным объектом апологетического внимания стали белогвардейцы.

Инерцию такого подхода по своему отразила рецензируемая книга. А. В. Ганин начал с изучения белогвардейских верхов, однако со временем (историографическая мода меняется вслед за политикой) попытался представить «объективную» картину, добавив материал о красных, точнее, о так называемых военспецзах.

Примечательно, что при этом автор демонстративно отмежевывается от «низкопробной литературы

конспирологического характера», авторы которой не обладают «какой-либо квалификацией для ведения исторических изысканий». Достается и академической науке, якобы не способной удовлетворить общественный запрос. Получается, что только сам Ганин способен «сочетать научную достоверность и точность с популярным стилем подачи материала» (с. 5). Как и почему он стал обладателем столь значительных потенций? Объяснение дается во Введении.

Оказывается, именно Ганину выпала честь «представлять Россию в качестве редактора тома по военной истории Гражданской войны вместе с видными англо-американскими исследователями», а также в качестве редактора специальных номеров исторического журнала «Родина». На его взгляд, такое дорогого стоит. Но поскольку автор не утруждает себя воспроизведением научных достоинств своих западных коллег, придется сделать это за него. Впрочем, достаточно ограничиться одним из них, отметившимся странноватой книгой «“Русские” гражданские войны: десять лет, которые потрясли мир»¹. Вероятно, он претендовал на научную сенсацию: история российской революции предстала в виде цепи «гражданских войн», начавшихся и закончившихся военными событиями в Центральной Азии. Да, именно так! Дж. Смил выделяет в грандиозном революционном цикле преимущественно «войны», т. е. его чисто внешнюю, однако наиболее

впечатляющую составляющую. Со своей стороны Ганин отметился целой серией книг об офицерах Генерального штаба², а заодно наводнил журнал «Родина» поспешными очерками о генералах и генштабистах. Именно последние стали главными «героями» (с кавычками и без кавычек) его нового сочинения.

Но главное своё достоинство Ганин видит не в этом. Оказывается, в основе его книги лежат «материалы 27 (двадцати семи!) отечественных и зарубежных архивов, включая архивы спецслужб» (с. 7). Не многовато ли для популярной, как было заявлено, работы?

Такая форма самопрезентации, увы, не случайна. Дело в том, что некоторые нынешние соискатели учёных степеней видят в неперемных архивных ссылках некое ритуальное сопровождение текстов своих диссертаций. Напротив, газетный материал, способный показать гражданскую войну изнутри, в большей или меньшей степени игнорируется. Похоже, инерция такого наукообразия сказалась и в данном случае. Впрочем, в рецензируемой книге представлены по преимуществу документы лишь двух российских архивов – РГВА и ГАРФ. Остальные, видимо, не понадобились; ссылок на газеты вообще не видно. В общем, несмотря на обещания, источниковая база оказывается довольно однообразной.

¹ *Smele J. The “Russian” Civil Wars: Ten Years that Shook the World, 1916 – 1926. L., 2016.*

² См.: *Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. М., 2009; Его же. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: статьи и документы. М., 2013; Его же. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М., 2016.*

Трудно на такой основе добиться системности подхода к многообразию хаотично взаимосвязанных событий.

Поскольку Ганин в силу исследовательской инерции упорно концентрируется на судьбах офицерского корпуса российской армии, отдавая преимущество офицерам Генерального штаба, – этому посвящена первая, самая объёмистая глава его нового сочинения. Легко догадаться, что в ней победы и поражения, как белых так и красных связываются именно с устремлениями военных элит. Однако как быть, если проигравшие противники большевиков располагали более 60 % выпускников Генерального штаба? Только ли сказалось «отсутствие координации» между антибольшевистскими силами (с. 16)? Вероятно, дело не в этом. Характерно, что у Ганина имеется «конкурент» по части осмысления событий Гражданской войны с позиций его верхов – на сей раз красных, причём в конспирологическом духе и с претензиями на некие генерализации³. Но Ганин в своей работе о нём даже не вспоминает.

Не секрет, что вхождение в большую науку в наше время порой осуществляется с помощью странных приёмов. В данном случае автор решил, что количество непременно перерастёт в качество:

---

³ См.: *Войтиков С. С.* Высшие кадры Красной Армии, 1917–1921 (анатомия армии). М., 2010; *Его же.* Армия и власть. Корнилов, Вацетис, Тухачевский, 1905–1937, М., 2016; *Его же.* Узда для Троцкого: красные вожди в годы Гражданской войны. М., 2016; *Его же.* История противостояния: ЦК или Совнарком? М., 2018.

научный мир, изумившись его плодovitости, поверит в сделанные им «открытия». Но как используется действительно внушительный (хотя и «однобокий») архивный материал? Похоже, у Ганина выработалась дилетантская привычка торопливо пересказывать тот или иной «интересный» документ. Думать о последовательной критике источников некогда. Между тем всякие кризисные ситуации оставляют после себе крайне противоречивую и зыбкую документальную базу. Этого нельзя не учитывать.

Известно, что часть историков, не говоря уже об околоисторической среде, подвержена болезненной склонности к «архивному фетишизму». Они, как правило, увлечены поиском неких «решающих свидетельств», которым полагается быть запрятанными в малодоступных архивохранилищах. Это обычная «детская болезнь» историографа. Однако иногда она приобретает характер какой-то мании, игнорирующей принципы научного источниковедения.

Форму данного популярного (точнее – псевдопопулярного) издания, призванного повергнуть ниц академическую историографию, «подказала» Ганину работа неизвестного Р. Пайпса «Три “почему” русской революции» (с. 7)). Ответы, которые даёт тот на облюбованные им самим вопросы (Почему пал старый режим? Почему большевики захватили власть? Почему Ленина сменил Сталин?), давно известны из мемуаров неудачливых противников большевизма. Оказывается, дело в том, что неуступчивое самодержавие погубила зловредная русская интеллигенция;

интеллигенцию убрал с политической сцены злокозненный и властолюбивый «заговорщик» Ленин; последнего сменил превосходящий его по части макиавеллизма Сталин⁴. Избитая конспирология для неподготовленного читателя звучит убедительно. Однако серьёзные историки, в том числе западные, давно отмахнулись от подобного, с позволения сказать, дискурса. Впрочем, сам Пайпс – сторонник «непредопределённости» победы большевизма – поставил под сомнение эвристически стимулирующий характер своих наработок. Не столь давно он заявил, что конкретные исследования российской революции теперь не нужны; следует сосредоточиться на изучении её влияния на последующие поколения и внешний мир⁵. Вероятно, Ганин придерживается сходной «просветительской» логике, делая, однако, вид, что Пайпс для него – не указ. Так ли?

Вопросы, которыми задаётся Ганин, располагаются в следующем порядке: С кем было офицерство? Какова роль казачества? Имел ли шанс на победу «третий путь»? Из-за чего был разбит Колчак? Какую роль сыграли спецслужбы? Брали ли красные в заложники семьи военспецов? Почему победила Красная армия?

Такие вопросы действительно некогда волновали околонучную общественность, чем активно пользовались журналисты известного пошиба. Однако, по большому счёту, ответы на них были даны ещё в

советское время. Поэтому Ганину следовало бы составить дополнительный род вопросов: Каково было соотношение сил на государственно-институциональном уровне? Имелась ли альтернатива «военному коммунизму»? Насколько эффективными были мобилизационные механизмы у белых и у красных? Кто и почему удачливее противостоял дезинтеграционным процессам на территории бывшей империи? Какова была реальная роль иностранной интервенции? Кому «помогла» Русская православная церковь? Каковы были особенности социальной политики большевиков и их противников? Наконец, что определяло текущие успехи и неудачи (а не просто конечный результат) Гражданской войны? Список можно продолжить, при этом серьёзный исследователь должен задуматься о своеобразной иерархии подобных вопросов. И, главное, решить, есть ли смысл вообще изучать Гражданскую войну исключительно сверху? Кстати, в новейшей обобщающей работе по историографии Гражданской войны для «офицерских» сюжетов особого места не нашлось⁶.

Гражданская война носила характер системно преобразующей синергетики под знаком искоренения всех «чужих». Для солдатских масс (и не только их) это было связано прежде всего с избавлением от старой армейской дисциплины и её носителей. На этом фоне связывать основные результаты Гражданской

⁴ Пайпс Р. Три «почему» русской революции. М.; СПб, 1996.

⁵ Cahiers du monde russe. 2017. 58/1-2, Janvier-juin. P. 54.

⁶ См.: Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: Очерки истории и историографии. М.; СПб., Центр гуманитарных инициатив, 2018.

войны с действиями – удачными, неудачными, бесполезными – офицерского корпуса, оставшегося от опустылевшей мировой войны, как-то сомнительно.

Разумеется, изучение поведения офицерства, как и всякого другого социального слоя, должно быть продолжено. Но какому аспекту его жизнедеятельности стоит отдать предпочтение? Известно, что кадровое российское офицерство *in corpore* после большевистского переворота в силу своего политического индифферентизма попросту не знало куда податься. Выбор подчас определялся тяжёлым материальным положением: либо торговать папиросами и идти в официанты, либо пристроиться к любой нуждающейся в их профессиональных навыках организации. Впрочем, были среди офицеров и «идейные», однако встречались и такие, кто увидел в революции возможность ловко приподняться по карьерной лестнице. Всё это было в своё время описано А. Г. Кавтарадзе⁷, на которого, кстати сказать, постоянно ссылается Ганин. Но не следует ли в связи с этим выделить офицеров военного времени в особую группу? Оставаясь менее подготовленными к руководству военными действиями, они были более устойчивы в своём неприятии большевизма. Было среди них и немало молодёжи, отчаянно рвавшейся в бой с «предателями–большевиками»⁸.

---

⁷ Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917 – 1920 гг. М., 1988.

⁸ Павлов Б. Первые четырнадцать лет. Посвящается памяти алексеевцев. М., 1997.

Ганин забывает, что успехи белогвардейцев были связаны не столько с высоколобыми генштабистами, сколько с «атаманами» авантюристического склада. А. И. Деникин в частной беседе как-то пожаловался, что для восстановления нормальной армейской дисциплины ему пришлось бы для начала расстрелять нескольких лучших своих командиров⁹. А. В. Колчак также вынужден был терпеть «атамана» Б. В. Анненкова, известного своими карательными «подвигами»¹⁰, но популярного среди своего воинства. Из портретов белогвардейских офицеров, превратившихся в настоящих садистов, можно составить целую галерею.

Показательно, что Ганин упорно ставит в вину Деникину то, что он всячески игнорировал «заслуженных» офицеров и генералов, всякий раз выдвигая на командные должности «первопоходников». Между тем в тогдашних условиях, помимо прочего, приходилось в первую очередь опираться на тех, кому можно было доверять. В этом смысле у Деникина просто не было выбора.

На начальной стадии Гражданской войны обе стороны могли рассчитывать только на фанатичных добровольцев, которым, в свою очередь, могли довериться рядовые комбатанты. Хаотичная ситуация требовала от командиров «отваги, инициативы, готовности к нестандартным действиям». Именно это

---

⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5881. Оп. 1. Д. 494. Л. 124.

¹⁰ Ефремов В. Н. Воспоминания 1919 г. М.; Берлин, 2016. С. 24–28.

было замечено даже теми немногими иностранцами, которые старались держаться поближе к непосредственным боевым действиям¹¹. Увы, нынешние историки, привязанные к официальным документам противоборствующих сторон, не замечают этого, как не замечали в прошлом кабинетные «стратеги» Гражданской войны.

Конечно, рассказ о перипетиях офицерского «хождения по мукам» мог бы получиться весьма интересным. Но для этого требуются навыки культурно-антропологического и психосоциального исследования. Ганин, напротив, отдаёт приоритет «объективной» статистике. Причём внушительный материал излагается им настолько скучно, что «популярный» читатель вряд ли разберётся в том, с кем было офицерство и могли ли его отчаянные метания сказаться на итогах Гражданской войны.

Относительно позиции казачества также всё не столь сложно: в целом оно хотело сохранить свои привилегии, по мере возможностей отгородившись от «русской» Гражданской войны. В большинстве своём представители этого сословия, объявившие себя в 1917 г. «нацией», воевать не хотели и брались за оружие скорее в видах пассивного противодействия «крайностям» большевизма. Точно такой же логикой руководствовались лидеры нерусских народов (которых Ганин почему-то упоминает лишь вскользь), которые предпочли своего рода этноизоляцию (а не просто сепаратизм), надеясь отсидеться за заборами хлипких

«национально-государственных» новообразований.

Впрочем, иной раз казаки вспоминали свои «военные обычаи». Так, некоторые лидеры белых констатировали: если запретить грабежи, казаки откажутся наступать¹². Говорили, что движению корпуса К. К. Мамонтова на Москву помешал обоз с награбленным¹³. Решить этот вопрос командование так и не смогло.

«Третий путь» в Гражданской войне был и вовсе сомнителен – особенно в том виде, каким он представляется Ганину, сводящему его к деятельности эсеровского руководства, пытавшегося действовать по принципу «ни белых, ни красных». Между тем сидеть между двух стульев – дело заведомо безнадёжное, особенно в условиях Гражданской войны.

Другое дело – «третий путь», связанный с основной массой населения России – крестьянством. На протяжении всей Гражданской войны оно упорно сопротивлялось и белым, и красным. Но об этом в книге сказано до смешного мало. При этом практически игнорируется фундаментальная работа В. В. Кондрашина¹⁴; в общем, крестьянство рассматривается как довольно послушная масса, «по наивности» посчитавшая Красную армию «своей» (с. 409). Современник, однако, отмечал, что иные крестьяне (Рязанской губернии!) «ждали

¹¹ Грондейс Л. Война в России и Сибири. М., 2018. С. 258.

¹² Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 2. М., 1996. С. 361.

¹³ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 233. Л. 81–82.

¹⁴ Кондрашин В. В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009.

“Толчака” [Колчака], готовы были понести ответственность за грабеж помещиков, лишь бы отделаться от коммунистов»¹⁵. Таких свидетельств немало, хотя, разумеется, к ним следует относиться с осторожностью. Отношение крестьян к основным противоборствующим силам оставалось сложным, ситуационно противоречивым. Стоило бы в связи с этим напомнить и о крестьянах-дезертирах, и о «зелёном» движении во всех его многоцветных ипостасях¹⁶. Следовало бы также раскрыть причины, заставившие рабочих Ижевска и Воткинска сражаться на стороне Колчака.

Гражданская война явилась крайним выражением длительного противостояния российских культур – взаимоотчуждённых культур верхов и низов. В то время как обесилленные белогвардейские низы вели отчаянные боевые действия, военные и штатские верхи «соревновались только в тостах, восхваляя достоинство несчастного русского солдата, который сам выпутается из всех бед...»¹⁷ Всё это могли разглядеть зарубежные наблюдатели, но это никак не удаётся усвоить некоторым нынешним усердствующим дилетантам.

Гражданские войны обнажают крайние стороны человеческой природы. Так, нельзя забывать, что у красных встречались такие диссипативные личности, как А. О. Рем-

нев – судя по всему, из кронштадтских матросов. Он отличался самоуправством, грешил по части погромов¹⁸, хотя – таков ещё один парадокс Гражданской войны – в его сформированной в Брянске «армии» служили и евреи¹⁹. Всё это – обычные реалии «красной смуты». Характерно, что большевики с самого начала считали Ремнева типичным авантюристом²⁰. Но расстреляли они его только в 1919 г., причём не за погромные прегрешения, а за попытку перебежать к белым.

Другой характерный пример – 26-летний И. А. Кочубей – из казаков, участник Первой мировой войны, старший урядник, перебежавший к белым и тут же повешенный ими. Впрочем, большевики сами непременно расправились бы с ним в порядке укрепления революционной дисциплины. В феврале 1919 г. они под угрозой расстрела каждого пятого бойца попытались расформировать его бригаду (до 1000 чел.). В конечном счёте разоружать её пришлось с помощью артиллерийского огня²¹. Такова была та противоречивая обыденность Гражданской войны, о которой пишет и Ганин, упорно пытаясь по-своему её «спрямить».

Вопрос о мотивации переходов на сторону противника заслуживает особого рассмотрения. Причины многочисленных предательств многообразны. Так, в мае 1919 г. на

¹⁵ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 122. Л. 56.

¹⁶ *Посадский А. В.* Зелёное движение в Гражданской войне в России. Крестьянский фронт между красными и белыми. 1918 – 1922 гг. М., 2018.

¹⁷ *Грондейс Л.* Война в России и Сибири. С. 250.

¹⁸ Киевская мысль. 1918. 11 августа.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 9503. Оп. 1. Д. 31. Л. 125

²⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 71. Оп. 35. Д. 458. Л. 183.

²¹ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 880. Л. 25, 21, 31.

сторону красных перешёл прекрасно оснащённый, одетый в английские шинели украинский «курень», перебив при этом своих офицеров и доставив их трупы большевикам в качестве свидетельства лояльности к ним. Считается, что они всего лишь рассчитывали «отправки на родную Украину»²². Могли ли такое предусмотреть кабинетные стратеги?

В книге ставится вопрос: из-за чего был разбит Колчак? Но почему именно Колчак – почему не Деникин, у истоков армии которого стояли именно офицеры Генерального штаба (с. 50)? Однако Ганин настаивает: верховный правитель не располагал нужным количеством профессионально подготовленных генштабистов. Формально это соответствует действительности, однако опытных военачальников не хватало буквально всем, включая красных. Дело, очевидно, не в них: можно ли было в принципе эффективно управлять боевыми действиями в Гражданскую войну «из штабов»? Сомнительно, чтобы люди, перегруженные опытом «правильных» войн, могли успешно адаптироваться к непредсказуемым коллизиям принципиально иной войны. Характерно, что погубили колчаковцев не столько регулярные красные части, сколько сибирские партизаны, не говоря уже о сомнительной помощи чехословаков и союзников.

Почему-то Ганин особо выделяет в борьбе красных и белых роль спецслужб. Но на этот счёт также можно дать простой ответ: откуда было им взяться, да и могли ли они вести привычную планомерную ра-

боту в хаотичных условиях? Как бы то ни было, мода на «тайную» составляющую побед и поражений Гражданской войны в некоторых работах вполне сложилась. У Ганина, вероятно, «свои» воззрения на роль спецслужб, вполне аналогичные взглядам А. А. Здановича, которого он по понятным причинам (генерал!) бесконечно цитирует. Что и говорить, к конспирологии постоянно тянутся те, кто, будучи не в состоянии мыслить системно, поспешно прибегает к «логике» надуманных причинно-следственных зависимостей.

Вопрос о том, что красные смогли эффективно использовать военспецов, поставив в положение заложников членов их семей, был в своё время инициирован журналистами, стремящимися лишний раз указать на особую жестокость противников белогвардейцев. Однако на фоне «красного террора» данная мера кажется чем-то закономерным. Частично это подтверждает и Ганин. Однако обладали ли большевики аппаратом, необходимым для реализации подобных намерений? Автор справедливо заключает, что нет. Но это и без того очевидно. Вероятно, следует учитывать другое: военспецам в любом случае могло казаться, что их семьи в безопасности лишь постольку, поскольку они добросовестно выполняют свои обязанности. Но даже независимо от этого, им просто нельзя было «ошибаться» – любой их просчёт мог быть квалифицирован как пособничество врагу. Слишком многими в то время двигал иррациональный страх. Большевики неуклонно выбивали всякие «интеллигентские» сомнения своей репрес-

²² Грондейс Л. Война в России и Сибири. С. 251, 255.

сивной энергией и непреклонностью. В книге много свидетельств на этот счёт, однако автор не смог поднять их на уровень теоретического обобщения. Увы, этому нас не учили!

В конечном счёте Ганину пришлось держать ответ на решающий вопрос: почему победила Красная Армия? Между тем вопрос заведомо некорректен. Следовало бы спросить: Почему победил большевизм? Чьи тылы в широком смысле слова были прочнее? Почему? И здесь дело, конечно, не просто в материальных, финансовых и людских ресурсах. Хотя Ганин уверяет, что его подход к истории Гражданской войны является «военно-политическим», идейно-политический аспект противостояния белых и красных не получил у него убедительного освещения. Это прослеживается и по источниковой базе: материалы РГАСПИ практически не используются. Между тем из современной литературы, к примеру, известно, что белогвардейцы (и не только на востоке России) длительное время вообще игнорировали вопросы пропаганды в войсках, а спохватившись, не смогли поставить их на должную высоту²³. В любом случае идеологически они безнадежно проигрывали красным. А началось всё с того, что белые восприняли Гражданскую войну как простое продолжение мировой войны. Это была поистине роковая установка.

Стоило бы Ганину задуматься и о психологическом состоянии белогвардейцев. Даже самые упорные из

них питались главным образом энергией ненависти к «врагам России». Положительный идеал практически отсутствовал. «О новой России почти никто не думал», – отмечал современник²⁴. Продержаться на таких моральных «устоях» было невозможно. Отсюда и всевозможные девиации в среде белогвардейцев. Разумеется, хватало безобразий и у красных, что также отмечается в книге. Однако незаметно, чтобы они перерастали у них в чувство безнадежности – скорее, напротив, вели к беспорядочному расширению параметров насилия.

События Гражданской войны носили хаотичный и стохастичный характер, образуя цепь «неожиданностей и случайностей»²⁵. Наивно думать, что в российской «красной смуте» мог кто-то победить чисто вооружённым путём, кто-то кого-то «переиграть». Побеждала сила обычая и традиции, вписанная в сознание «пассивного» большинства населения. А потому белые «проиграли» буквально всем: красным, зеленым, националистам, крестьянству (несомненный успех они имели только на Кавказе в силу проявленной здесь бескомпромиссности²⁶). Осколки вдребезги разбитой «единой и неделимой» заведомо не могли сложиться в нечто цельное и жизнестойкое. Что касается красных, то вовсе не пиррова победа в военных сражениях определила их исторический «триумф». С помо-

²³ Шевелев Д. Н. «Роль печатного слова в современной войне не меньше пули и штыка...». Осведомительная работа антибольшевистских правительств востока России. Томск, 2017.

²⁴ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 233. Л. 89.

²⁵ Грондейс Л. Война в России и Сибири. С. 258.

²⁶ Писарев А. Л. Усмирение Чечни (1919 г.) // Новый исторический вестник. 2000. № 1. С. 83–95.

шью старого, как мир, безудержного насилия им вроде бы удалось обуздать грандиозную «красную смуту», которую они сами некогда возбуждали. Но только на время: Кронштадт и целая серия крестьянских восстаний стали реальным финалом Гражданской войны. Однако столь многозначительное напоминание о её итогах, как видно, не укладывается в сознание, засоренное известным рода «военно-политическими» представлениями.

Методологической наивности автора не устаешь удивляться. Концовка книги особенно изумляет. «Революции – локомотивы истории», – напоминает А. Ганин, не забыв сослаться на К. Маркса. «И это действительно так», – уверяет он, поскольку Гражданская война внутри страны «закрепила те прогрессивные результаты, которые были достигнуты Октябрьской революцией и первыми годами советского государственного строительства». Далее следует пространное перечисление завоеваний Октября (о чем ранее не было сказано ни слова) – вплоть до «пенсий по инвалидности». И все это произносится всерьез! Далее, вероятно, «объективности ради» Ганин напоминает, что «вместе с тем победа большевиков принесла в жизнь страны явления, которые тормозили дальнейшее развитие». И вновь перечисление, начиная с «запрета свободной торговли», кончая «уничтожением памятников истории и культуры» (с. 439).

Увы, Гражданская война по большому счёту ничего не «закрепила», включая большевистскую диктатуру, – иначе зачем понадобились последующие «чистки» и сражения с «уклонами», растянувшие-

ся на десятилетие. Зато Ганин напоминает, что «некоторые» из трагических явлений Гражданской войны «привели к отложенным по времени негативным последствиям планетарного масштаба». Произошла дискредитация идей, «которые несла революция» (с. 440). Но кем, когда, почему? Ответа нет.

Стоит ли в связи с этим напоминать, что итоги российской Гражданской войны – прямой наследницы бунтарской революции – определялись не «мудрыми» генштабистами и профессионально подготовленными командирами, не искусственными в демагогии пропагандистами и «опытными» разведчиками. Их навыки в любом случае не могли быть востребованы в полной мере, тем более что, как видно из некоторых воспоминаний, «денег на шпионов» армейская разведка попросту не имела (с. 520). В конечном счёте, чаша весов Гражданской войны склонялась в ту или иную сторону подчас под воздействием невидимой борьбы внутри сознания и психики обычных людей, захваченных и ошеломленных «красной смутой». А так называемые «инертные» массы в кризисные моменты истории бывают не только наивно утопичными, но и боязливо прагматичными. Они и сделали конечный выбор: имеет смысл рассчитывать только на «понятную» и непреклонную силу.

Понять подлинную логику Гражданской войны трудно. И хуже всего это удаётся торопливым авторам, привыкшим излагать историю по «усовершенствованным» прописям застойных времен и измерять масштабные события прошлого ученической линейкой, подсунутой

историкам победителями контрреволюции (в конечно счёте тоже проигравшими). «Язык смуты» требует особого «искусства перевода». Между тем Ганин бездумно использует лексику большевиков: военспецы именуются у него «бывшими» офицерами и генералами.

Порой Ганин демонстрирует поразительное косноязычие. Встречается, к примеру, такое: «Формально это была уже не армия, а люди, искавшие пристанища, однако в действительности армейская структура была сохранена, хотя командование было вынуждено находиться на нелегальном положении» (с. 98). Или такое: «Из общей цепи казачьих восстаний выпадает Астраханское казачье войско, территория которого после двухнедельных январских боев 1918 г. в Астрахани на весь период Гражданской войны оказалась под властью красных» (с. 167). А как понимать такой текст: «Ни одного из перечисленных условий налицо в Сибирской армии не было, исключая уверенности в себе полководца, поэтому такой вариант должен был быть отброшен из обсуждения, как ведущий неумолимо к полному неудачу» (с. 260). Вызывает недоумение и такой вывод: «В качестве стимула провести операцию были опасения того, что войска при продолжении отступления на восток разложатся и даже погибнут даже без фронтовых операций» (с. 292). В некоторых случаях текст похож на настоящую загадку: «В последние два месяца перед пленением офицера агентура штаба армии не проходила через участок дивизии вовсе. Агентура от реки Белой работала до Волги» (с. 357). Что и говорить: удивительные примеры

обещанного «популярного стиля подачи материала»!

Впрочем, слабости книги, связанные с косноязычием, помноженным на методологическую наивность и неумение логично и впечатляюще изложить материал, несколько микшируются другим. Почти половину её объема составляют приложения, в которых воспроизводятся документы, извлечённые (пусть бессистемно) из различных архивов. Некоторые из них показательны. Похоже, однако, что и здесь автор руководствовался желанием «удивить».

Так, оказывается, у атамана Г. М. Семенова служили... сербы – и это вопреки заявлениям их политического руководства о принципиальном нейтралитете (Приложение 1). Однако ничего удивительного: в Гражданской войне многие оказались в роли обычных наёмников. Им попросту надо было чем-то зарабатывать, но Ганин почему-то не придаёт этому фактору должного значения.

Противоборствующие стороны, особенно белые, не могли быть едины *sui generis*. В ходе Гражданской войны неизбежно продолжали сталкиваться известные доктринальные политические установки. Но следует ли думать, подобно Ганину, что лидеры Комуча предпочли оставить военное имущество большевикам из конкурентных соображений (Приложение 2)? Может быть, помимо обычной неразберихи, учредилловцы обиделись на сибирских белогвардейцев за недоставку им требуемого... масла (с. 444, 447)?

Непонятно, зачем было воспроизводить текст письма А. А. Брусилова Ф. Э. Дзержинскому с просьбой выдать, наконец, полагающуюся

пенсию? Известно, что «герой» мировой войны, отличался редкостным раболепием. Сегодня он мог публично облобызать руку великому князю Николаю Николаевичу, в завтра объявлять о своих симпатиях к социал-демократии и демонстративно размахивать красным флагом. М. В. Алексеев уверял, что в 1917 г. он «даже в оперативном отношении поставил себя в полное подчинение» Керенскому, более того, подчинил последнему «не только своё мышление, не только выражение своей мысли, но и свою волю»²⁷. Ничего нового: прежняя система порождала конформистов самого различного масштаба. И это тоже сказалось на исходе Гражданской войны.

Воспоминания И. Е. Рогожкина (Приложение 5) заслуживают особого внимания. Из них видно, насколько смутными были настроения времён Гражданской войны даже в среде казачества. Любопытно описание «психической атаки» белых (Приложение 6). Следующий документ (Приложение 7) призван подтвердить «полное отсутствие порядка и дисциплины» в роте телеграфистов Сибирской армии.

В воспоминаниях полковника Е. Э. Месснера «В Добровольческой армии» (Приложение 8) рассказывается, помимо всего, о сомнительной эффективности использования белыми танков (с. 500). Между прочим, ранее Ганин обращал особое внимание на то, что большевики к концу ноября 1920 г. ухитрились запустить «в серийное производство

первый советский танк» (с. 418). Примечательно характерное замечание Месснера относительно особенностей военных действий: «Если в нормальной внешней войне театр войны был шахматной доской, на которой можно было передвигать фигуры, сообразуясь лишь с тактическими и оперативными потребностями, то в Гражданской войне такой свободы маневрирования не было» (с. 511). Понятно, что в Академии Генерального штаба этому не учили. Однако генерал Н. Э. Бредов «понял характер гражданской “неправильной” войны и, ведя “неправильные” операции, побеждал...» (с. 530). В целом Месснер полагал, что «руководство Гражданской войной должно быть в руках «авантюристов», правда, в «хорошем» смысле слова (с. 553).

Другие публикуемые в книге документы не вызывают столь значительного интереса. Так, письмо атамана Г. М. Семенова другому атаману – Б. В. Анненкову (Документ 9) скорее показательно как пример демагогии, с помощью которой эти одиозные командиры прикрывали свое самоуправство. Документ 10, названный Ганиным «возвращением ижевцев и воткинцев о самовольном оставлении ими рядов армии», призван проиллюстрировать столкновение военно-бюрократических начал и настоящего антибольшевистского энтузиазма в рядах противников большевиков. Правда, Ганин видит в этом столкновение между «кадровыми офицерами с академическим образованием» и «офицерами военного времени», а также свидетельство «неспособности армейского командования наладить в войсках жесткую дисциплину» (с. 576). Трудно сказать,

²⁷ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 855. Карт. 1. Д. 11. Л. 3, 4 об., 7 об.

насколько подобная интерпретация корректна: цитируемый Месснер, возможно, с этим бы не согласился.

«Неизвестный дневник барона А. П. Будберга» (Документ 12) представляет, в сущности, всего лишь концовку его давно опубликованных записей, содержащих бесконечную череду обличений внутренних пороков белогвардейцев. В этом генерал был не одинок, потерпевшие поражение нередко впадают в эмоциональное самобичевание. Более сдержанными оказывались сдавшиеся в плен белогвардейцы. Так, полковник А. А. Асанов сообщал (документ 14), что «дух» Семиреченской армии «превосходен» (с. 475). А пленные Уральской армии уверяли, что вели борьбу с большевиками, «будучи уверены в своей правоте» в силу... своей политической безграмотности (с. 748). В целом создаётся впечатление, что побеждённые противники не отличались силой духа. Проиллюстрировать это, как видно, было призвано прошение «бывшего» генерала, а в 1921 г. «гражданина Платона Лечицкого из больницы Бутырской тюрьмы в Московский политический Красный Крест с просьбой вернуть ему его вещи, пропавшие при переводе из Таганской тюрьмы во внутреннюю тюрьму ВЧК (Документ 16).

Однако внутренних слабостей и безобразий было предостаточно и у красных. Так, минские чекисты расстреливали осужденных без разбора, но при этом освобождали заложников за выкуп (с. 581–582). При угрозе захвата города противником они первыми панически бежали (Документ 11). Большевицкое руководство стремилось не допускать подобных случаев «дискредитации Советской власти». В об-

щем они более успешно, чем белые, приравнивались к условиям Гражданской войны. Так, оказавшийся в плену у белых помощник начальника Полевого управления авиации и воздухоплавания при Полевом штабе РВСР М. П. Строев (бывший офицер) представил весьма любопытную на этот счёт информацию. Он рассказал (документ 13), что большевики управляют войсками, «базируясь более всего на психологии толпы, а не на психологии организованной и дисциплинированной армии», поскольку «большим местом Красной армии является её стадный характер». Энтузиазм в такой армии поддерживается действиями немногих сплочённых частей, руководимых людьми, обладающими «природными данными полководцев». Отсюда стремление к «безостановочному наступлению, хотя бы в ущерб теоретическим правилам». С другой стороны, «помогают» красным промахи их противников – прежде всего в аграрном вопросе. Но и сами красные находились в угрожающем положении перед лицом крестьянского большинства (с. 735, 737). Строго говоря, вся Гражданская война оказалась своеобразным противостоянием неизбежных «слабостей» старых и новых элит России. Именно в этом состояла её основная особенность, упорно не замечаемая современными исследователями.

Уверяя в стремлении написать именно популярную книгу, Ганин, похоже, лукавит. Просто на серьёзное научное исследование его текст «не потянул» ни достойным методологическим обоснованием, ни структурой, ни стилем. Отсюда, вероятно, и обращение в издательство

со странноватым названием – «Пятый Рим», да ещё и «бестселлер».

В общем, налицо определённая историографическая тенденция: некогда Ганин, как многие другие авторы, увлёкся белогвардейской элитой, затем либо разочаровался в ней, либо сменил политическую ориентацию. Но причём здесь историческая наука? Похоже, что автором движет обычное дилетантское любопытство к интригующим сюжетам и эпизодам прошлого, помноженное на мелковатые амбиции. Впрочем, и на этом спасибо! Вся нынешняя историография Гражданской войны в России оставляет желать лучшего.

Остаётся только удивляться тому, что в журнале «Российская история» довольно оперативно была опубликована рецензия А. С. Пученкова, автора более методологически оснащённых штудий по Гражданской войне. Она названа интригующе: «От Сибири до Крыма... Обречённость белых?» Автор, не вполне соглашаясь относительно провозглашённого Ганиным политического «примитивизма» М. В. Алексева и А. И. Деникина, но приведя при этом ряд покаянно-саморазоблачительных мнений белогвардейцев о собственной несостоятельности, всё же заключает, что книга Ганина «безусловно станет важной вехой в историографии Гражданской войны»²⁸.

Что и говорить, о Гражданской войне и без того уже написано немало, а потому надо спешить заявить о себе! Но только при такой спешке легко получить известную ситуацию: кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку. Хотелось бы надеяться, что книга действительно станет «важной вехой» – в смысле напоминания о том, что историку войн и революций не следует спешить с «обобщающими» заключениями.

---

²⁸ Российская история. 2018. № 4. С. 204–207.

Список литературы:

1. *Войтиков С. С.* Высшие кадры Красной Армии, 1917 – 1921 (анатомия армии). М., 2010.
2. *Войтиков С. С.* Армия и власть. Корнилов, Вацетис, Тухачевский, 1905 – 1937, М., 2016.
3. *Войтиков С. С.* Узда для Троцкого: красные вожди в годы Гражданской войны. М., 2016.
4. *Войтиков С. С.* История противостояния: ЦК или Совнарком? М., 2018.
5. *Ганин А. В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917 – 1922 гг. М., 2009.
6. *Ганин А. В.* «Мозг армии» в период «Русской Смуты: статьи и документы. М., 2013.
7. *Ганин А. В.* Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М., 2016.
8. *Грондейс Л.* Война в России и Сибири. М., 2018.
9. *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917 – 1920 гг. М., 1988.
10. *Кондрашин В. В.* Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009.
11. *Павлов Б.* Первые четырнадцать лет. Посвящается памяти алексеевцев. М., 1997.
12. *Пайнс Р.* Три «почему» русской революции. М.; СПб, 1996.
13. *Посадский А. В.* Зеленое движение в Гражданской войне в России. Крестьянский фронт между красными и белыми. 1918 – 1922 гг. М., 2018.
14. *Писарев А. Л.* Усмирение Чечни (1919 г.) // Новый исторический вестник. 2000. № 1.
15. *Шевелев Д. Н.* «Роль печатного слова в современной войне не меньше пули и штыка...». Осведомительная работа антибольшевистских правительстве востока России. Томск: Издательство Томского университета, 2017.
16. *Smele J.* The “Russian” Civil Wars: Ten Years that Shook the World, 1916 – 1926. L., 2016.

[REW.]: RESULTS OF METHODOLOGICAL SAFETY. ABOUT BOOK A. V. GANIN «"SEVEN WHY" OF THE RUSSIAN CIVIL WAR» (M.: FIFTH ROME PUBLISHING HOUSE (LLC "BEST-SELLER"), 2018. - 864 P.: ILL.)

V. P. Buldakov

The Russian Academy of Sciences, the Institute of Russian History,
Moscow, Russia

Among the resent literature on the events of 1918-1922 the book «Seven “why” of the Russian Civil war in Russia» by A.V. Ganin is distinguished. Its author claims that its outcome was largely determined by the position of the officer corps of the old Russian army. The reviewer insists that this

setting distorts the meaning and nature of the Civil war. In a broad sense, the war between the reds and whites became the apogee of a long-term confrontation between the cultures of the elites and the masses, the upper and lower strata of Russian society. The civil war, like the revolution, developed according to the laws of social synergy, and not according to the instructions of the military command. Any other points of view bears now an obvious anachronism, inherited from Soviet propaganda literature, which insisted on the “class” character of the multidimensional Russian Civil War.

Keywords: *Russia, civil war, officers, reds and whites, peasantry.*

Об авторе:

БУЛДАКОВ Владимир Прохорович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории, Российская Академия наук, (Россия, 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19), e-mail: kuroneko@list.ru

About the author:

BULDAKOV Vladimir Prokchorovich – The Doctor of History, The Chief Researcher, The Institute of Russian History, The Russian Academy of Sciences, (117036, Russia, Moscow, Dmitry Ulyanov Str., 19), e-mail: kuroneko@list.ru

References

- Ganin A. V., *«Mozg armii» v period «Russkoj Smuty: stat'i i dokumenty*, М., 2013.
- Ganin A. V., *Korpus ofitserov General'nogo shtaba v gody Grazhdanskoj vojny 1917 – 1922 gg.*, М., 2009.
- Ganin A. V., *Povsednevnyaya zhizn' genshtabistov pri Lenine i Trotskom*, М., 2016.
- Grondejs L., *Vojna v Rossii i Sibiri*, М., 2018.
- Kavtaradze A. G., *Voennye spetsialisty na sluzhbe Respubliki Sovetov 1917 – 1920 gg.*, М., 1988.
- Kondrashin V. V., *Krest'yanstvo Rossii v Grazhdanskoj vojne: k voprosu ob istokakh stalinizma*, М., 2009.
- Пајпс R., *Tri «pochemu» ruskoj revolyutsii*, М., SPb, 1996.
- Pavlov B., *Pervye chetyrnadtsat' let. Posvyashhaetsya pamyati alekseevtsev*, М., 1997.
- Pisarev A. L., *Usmirenje Chechni (1919 g.)*, Novyj istoricheskij vestnik, 2000, № 1.
- Posadskij A. V., *Zelenoe dvizhenie v Grazhdanskoj vojne v Rossii. Kre-st'yanskiy front mezhdru krasnymi i belymi. 1918 – 1922 gg.*, М., 2018.

Shevelev D. N., «*Rol' pechatnogo slova v sovremennoj vojne ne men'she puli i shtyka...*». *Osvedomitel'naya rabota antibol'shevistskikh pravitel'stve vostoka Rossii*, Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universi-teta, 2017.

Vojtikov S. S., *Istoriya protivostoyaniya: TSK ili Sovnarkom?*, М., 2018.

Vojtikov S. S., *Vysshie kadry Krasnoj Armii, 1917 – 1921 (anatomya armii)*, М., 2010.

Vojtikov S. S., *Armiya i vlast'. Kornilov, Vatsetis, Tukhachevskij, 1905 – 1937*, М., 2016.

Vojtikov S. S., *Uzda dlya Trotskogo: krasnye vozhd'i v gody Grazhdanskoj vojny*, М., 2016.

Статья поступила в редакцию 27.10.2018 г.